

ИСАЯ ГЛАЗА ИСКУССТВА

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Независимая газета

№ 9 (51), 26 мая 2000 г.

Выходит с ноября 1997 г.

— с. 9

- ФОРУМ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
- СТИХИ СЛАВЫ ЛЁНА
- ВОСПОМИНАНИЯ ТАТЬЯНЫ ГЛУШКОВОЙ
- ЖУРНАЛЫ В АПРЕЛЕ
- ПРОШЕЛ ПЕРВЫЙ ТУР КОНКУРСА «ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ-2001»
- СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ РАССКАЗЫВАЕТ О ТЕАТРЕ И О ЖИЗНИ
- КВАРТЕТ ДЛЯ АННЫ АХМАТОВОЙ

- стр. 10
- стр. 11
- стр. 12
- стр. 13
- стр. 14
- стр. 15
- стр. 16

К юбилею поэта, которого любят не все

ПЕВЕЦ ИМПЕРИИ И ПРОВИНЦИИ

Виктория Шохина

БРОДСКИЙ И ДРУГИЕ

В СОЗНАНИИ многих (большинства?) Иосиф Бродский предстает прежде всего в ипостаси мифологического существа — либо бога, либо героя в зависимости от установки (от отношения). Как продукт так называемого интеллигентского мифотворчества. Ну а мифологическое сознание, как известно, не разделяет языка и реальности — отсюда, собственно, и все проблемы. «... реальная полемика раскручивается не вокруг Бродского-поэта, а вокруг Бродского-мифа, точнее — того мифа о Бродском, который зародился еще в советском самиздате... — говорит Виктор Куллэ, — он одновременно становится мучеником и стоическим героем, жрецом чистого искусства и воплощением абсолютного Зла, последним имперским поэтом и первым поэтом Провинции...»

Добавим сюда еще несколько составляющих мифа: жестокий, ироничный поэт, не позволяющий «возвышающему обману» взять над собой верх; «стихи написаны из пространства предельного холода», каковым является смерть; «бухгалтер» (Э. Лимонов); вконец американизировавшийся Joseph Brodsky (А. Вальцев), элитарист, сноб и индивидуалист (А. Солженицын). В общем, получается не очень симпатичная личность, к сожалению многих, маркированная в качестве классика Нобелевской премии...

Основная проблема, как представляется, в том, что сочинители мифов — это чаще всего литераторы и еще чаще поэты. Для одних из них Бродский — нечто, что нужно преодолеть в собственной работе; для других — соперник, которого хочется стащить на несколько строк ниже в табели о рангах. Мудрая Ахматова еще когда на вопрос о неоднозначном отношении к Бродскому сказала: «К Бродскому — зависть. Ведь он — чудо».

Вот поэт Икс, из младших современников (имя неважно, поскольку ход рассуждений — типичный). Цитирую дословно: «Принципиальный индивидуалист, Иосиф Бродский, сравнявший свою судьбу с частью одинокого ястреба, умер и вскоре стал кумиром широкой публики». И далее: «Есть во всеобщей массовой экзальтации что-то ненормальное».

Здесь все построено на полуправде, которая хуже откровенной лжи. Кумиром людей литературных Бродский стал задолго до того, как умер. А что до широкой публики, то она Бродского как не знала, так и не знает (см. опрос, приводимый ниже). Стать кумиром широкой публики, будучи одновременно ценным людом литературными, — участь для поэта скорее завидная, нежели предоступительная. И выпала она в XX веке только Есенину и Высоцкому...

«Принципиальный индивидуалист» — имеет истинником, по-видимому, слова, открывающие Нобелевскую речь поэта, где он называет себя «человечком частным и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшим» и прочие его высказывания такого рода. Хотя сюда лучше дождаться со знанием дела цитируемое Бродским: «Ты царь, или один дорожкой свободной...» и т.д. Индивидуализм обретает смысл только в оппозиции коллективизму (это то, что отличает, например, Америку от России, Англию от Китая etc.). В других контекстах — это просто эфемеризм, эгоизм/эгоцентризм, который, слава богу, и имел в виду поэт Игрок. Насчет одинокого ястреба — тоже перебарщай, основанная на прочтении с неприятием стихотворения «Осенний крик ястреба», которое на самом деле о другом:

Не мажечком, но в мешочках легких он доаждывается не спастись. И тогда он кричит. Из сонного, как крок, клюва, похожий на визг зриной, вырывается и летит воем механический нестерпимый звук, звук стали, вписанной в алюминий...

Забавным (хотя и безвкусным, на мой взгляд) проявлением мифа оказывается потребность в амикошности, желание слыть если не другом (круг друзей известен и очерчен довольно строго), то соучастником жизни Бродского, точнее — творимой

Иосиф Бродский в геологической экспедиции. Архангельская область. 1958 г.

легенды о нем. Лично я встречала энное количество людей, так или иначе спасающих Бродского от ка-э-бэ (проносятся в растерзанье), проваживших его в эмиграцию, одаживавших ему деньги etc.

А уж тем, кто последним говорил с Бродским по телефону, вообще счету нет! И с какого перепугу поэт Илья Кутик выдумывает вдруг историю про гроб, раскрывшийся в самолете едла ли не на его глазах?! (См. «НГ» от 28.01.99.) Безусловно, в самой (литературной) личности Бродского, как и в личности Пушкина, есть нечто провоирующее на желание сопричастности...

Стоит отметить, что сам Бродский почтительно (если не по фамилии) прозвонил: «Анна Андреевна», «Александр Сергеевич», «Евгений Александрович»... Но всегда — «Марина», говоря про Цветаеву, которую считал величайшим поэтом XX века, и «Маяк» про Маяковского, которого называл «в плане чисто техническом чрезвычайно привлекательной фигурой» (впрочем, и «Евтух» тоже, которого хоть и ставил невысоко, но выше Вознесенского).

БРОДСКИЙ И СОЛЖЕНИЦЫН

Наивно было бы ожидать, что два этих наших нобелевских лауреата понаравят друг другу. «... про этого господина и говорить неохота...» — небрежно обронил как-то Бродский. Солженицын же, напротив, посвятил поэту главу в своей «Литературной коллекции» — «Иосиф Бродский — избранные стихи» («Новый мир», 1999, № 12).

Надо сказать, что это релциый пример «пристального чтения», которое под стать классному ли-

тературному критику. Солженицын не поленился даже подсчитать количество строк в том или ином стихотворении рецензируемого автора: «Стих по замыслу любовный? Но растянут на 160 строк ледяного холода»; «растянутая на 240 строк попытка объяснения с одной из отдаленных возлюбленных»; «Бродский заслуживает в долготу 200 строк и все холодеющее размышления»; «Так и «Келомьяки» /.../ — 120 строк, и повернуты на предметную обстоятельность, утомительную рассудительность, — хотя тут и так несомненное этому автору: «Холодея внутри, источать тепло/ воем». «Совсем другой полосо искреннего чувства поэта прокололо в раздраженнейшем «Речи о пролитом молоке» (еще 320 строк)». Часто рецензент указывает точный возраст автора в момент создания стихотворения, например: «Написано в его 27 лет».

Солженицын не нравится в Бродском «неизменная ироничность», «снобистская поза», отсутствие «человеческой простоты и душевной доступности» и «сплошное тускло-мрачное восприятие мира». А также то, что общественные взгляды Бродский «выражал лишь временами, местами», тогда как вполне мог выступать «на еврейскую тему, столь напряженную в те годы в СССР». Как полагает Солженицын, Бродскому «начало мнить, что он провел гигантскую борьбу с режимом, с коммунистическим режимом, нанес ему страшные удары».

Высказанные Солженицыным претензии — известные, расхожие. Но убедительность и силу им придает умное и обстоятельное цитирование; и многие, возможно, согласятся... Что до борьбы с ре-

жимом, то это чистой воды проекция своего представления о своем месте в литературе и общественной жизни. Бродский с режимом не боролся — у него представления о задачах поэта были другие.

С остальными характеристиками спорить нет смысла: портрет Бродского, написанный рукой Солженицына, в основном совпадает с восприятием тех, кто поэта не любил. И, в конце концов, это — нормально. Ведь мы выбираем любимые стихи, следуя внутренней своей музыке, которая счастли-во пробуждается при звуках чужой речи. Или не пробуждается. Или речь эту отторгает вовсе.

Гораздо интереснее другое, а именно: что нравится Солженицыну в Бродском: «То ли песня навзрыд сложена/ и посмертно заучена»; «дыхание земли, русской деревни и природы внезапно дает ростки первого понимания: «В деревне Бог живет не по углам, /как думают насмешники, а всюду/. Он освещает кровлю и посуду/.../ В деревне он в избытке. В чужие /он варит по субботам чечевицу/.../ Возможность же все это наблюдать /.../ единственная в общем благодать/ доступная в деревне атеисту»... Отмечая «отприродную многостороннюю космополитическую преемственность» поэта, Солженицын называет «отменно удачной» «Большую элегию Джонну Донну» («уже в 23 года»), «Стихи на смерть Т.С. Элиота».

Более того, «во всех его возрастных периодах есть отличные стихи, превосходные в своей целостности, без изъяна», пишет Солженицын. В качестве примера он приводит «разительный» «Осенний крик ястреба»: эти сменя взгляда — от ястреба на землю вниз, и на ястреба с земли, и вблизи — вблизи, рялом с летящим, так что виден нам в «желтом зрачке <...> злой блеск <...> помесь змея /с ужасом» — и отчаянный предсмертный крик птицы (и мир на мг/ как бы вздраживает от пореза) — и ястреба разрывает со звоном, и его оперенье, опущенное «ишем, в серебре» выпадает на землю, как снег — великолепный образец разбора! Столь же хороша и кода: «Это — не только из вершинных стихотворений Бродского, но и — самый яркий его автопортрет, картина всей его жизни».

Особенно выделяет Солженицын «корпус стихов Бродского на античные мотивы», называя их, правда, не совсем точно — «весьма удавшиеся стилизации под античность». Не останавливаясь на этом, скажу лишь, что античность Бродского — не стилизация, а скорее метафора, в рамках которой он осознает бытие своей родины — России. Первоисточник «античных стихов» — не переводы античных авторов; античность Бродский брал из рук Батюшкова, Вяземского, того же Тютчева и т.д.

«На эзоповый френ» легче было говорить о вещах шемящих и горестных, как, например, в стихотворении «На смерть друга»:

.../ да лежится тебе, как в большом оренбургском платке, в нашей бурой земле, местных труб прохолодцу и дыма, понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке, и замершему насмерть в параднике Третьего Рима...

БРОДСКИЙ И ВОЙНА

Иосиф Бродский принадлежал к тому поколению, которое потом назовут так: «дети победителей». Его отец, военный моряк, был на фронте, участвовал в прорыве Ленинградской блокады. А после войны вышел в отставку в звании капитана третьего ранга. Мать служила переводчицей в лагере для военнопленных. Из времен войны Бродский запомнил старика-инвалида, который не мог никак влезть в переполненный поезд...

Бродский мечтал стать летчиком или полковником и даже пытался поступить во Второе Балтийское училище подводников. «Как вспомню Военно-морской музей, андреевский флаг — голубой крест на белом полотнище... Лучшего флага вообще на свете нет!» — говорил он Солмону Волкову во время их американских разговоров.

Примечательно, что первым импульсом, побудившим в Бродском желание писать стихи, стала стихотворная подборка о войне Бориса Слуцкого, прочитанная лет в 16. Вообще он очень внимательно и пристально относился к военным стихам и считал, что опыт войны в русской поэзии почти не отражен. Выделял Слуцкого, Гарковского, Гуленко, Самойлова, высоко ставил

Липкина. Про все остальное говорил с горечью: «Это не о национальной трагедии, не о крушении мира: это все больше о жалости к самому себе. Просьба, чтобы пожалели /.../ Понимания случившегося с нацией — ни на грош. И это даже как-то дико: все-таки двадцать миллионов в землю легли...» (Из «Диалогов с Бродским» Соломона Волкова). Может быть, не совсем справедливо, но суть нащупана верно...

Сам он военных стихов не писал — как и большинство поэтов, которые во время войны были детьми, за исключением Владимира Высоцкого. Но стихотворение Иосифа Бродского «На смерть Жукова» должны включать в будущие антологии патристической поэзии (если таковые, впрочем, будут издаваться).

Стихотворение это — классическое и классицистское (в той мере, в которой последнее возможно в наше время). Не зря С. Волков сравнил его со «Снигирем» Державина, посвященным другому русскому полководцу — Суворову. Сначала перед взором читателя возникает картина похорон маршала — как она видится поэту из далекой Америки:

Вижу колонны замерзших внуков, гроб на лафете, лошади круг. Ветер свобода не доносит мне звуков русских военных плачущих труб. Вижу в регалии убранный труп: В смерть уезжает пламенный Жуков.

Торжественные строки гласят и о воинской слабе маршала, и о резко изменившейся судьбе его: «Кончивши дни свои глухо, в опаде, /Как Велизарий или Помпей». Поступь стиха — будто печатный шаг колонн, проходящих в параде по брустаче Красной площади. Контрапунктом главной теме выступает тема цены жизни русского солдата:

Скляко он пролил крови солдатской В землю чужую! Что ж, горевал?

Что он ответил, встретившись в адской области с ними? «Я воевал».

И еще одна тема вплетается в рисунок стихотворения: русские солдаты — это те, «кто в пехотном строю/ смело входили в чужие столицы, /но возвращались в страхе в свою». Неожиданное слово «прахора» («сапоги» на лагерном жаргоне) как бы высвечивает эту тему светом ГУЛАГа... Но вновь доминирует главная тема — скорбь об утра-те и благодарность человеку, спасшему Родину: «Маршал! полотит алчная Лета Эти слова и твои прахора, Все же прими их — жалкая лепта ролину спасшему, влудху говоря. Две последние строки отсылаются к державинскому «Снигирию»: «Бей, барабан, и военная флейта/ громко свищи на манер снегира»...

Стихотворение это было встречено в эмиграции и в России без особого энтузиазма. Кто-то даже предположил, что Бродский «бухается в ноги начальству». Сам он полпултя говорил, что это стихотворение должна была бы напечатать «Правда». И уже совсем всерьез: «Многие из нас обязаны Жукову жизнью. Не мешало бы вспомнить и о том, что это Жуков, и никто другой, спас Хрущева от Берии...».

***

Много ли мы на самом деле знаем об Иосифе Бродском? Думаю, что не очень. Он так и остается наиболее закрытым автором из всех пяти русских лауреатов Нобелевской премии.

Да, конечно, его называют «современным классиком» — но классиком обычно «проходят» в школе, а про Бродского там и не слышали. Да, конечно, пишутся серьезные литературоведческие статьи о его стихах — но все они какие-то специальные, и знают их только те, кто специально интересуется предметом. Да, конечно, жизнь Бродского вроде бы вся пересказана в мемуарах друзей его молодости — но в какой-то одной тональности.

Существует замечательная книга Соломона Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским» (Издательство «Независимая газета») — это лучшее из всей литературы о поэте.

Но чего-то главного все-таки недостает.

ОН ЖИЛ В ЭМИГРАЦИИ, ЛЮБИЛ КОШЕК, ПИСАЛ СТИХИ

Что знает об Иосифе Бродском «племя молодое»?

Поэт имеет право быть непонятым. Анна Ахматова

24 мая исполнилось 60 лет со дня рождения лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского. Интересно, помнит ли и знает ли что-нибудь о нем «молодое поколение»? Чтобы узнать об этом, я решила встретиться со студентами московских вузов. Проводя опрос, я спрашивала: нужен ли сегодня Бродский? до него ли сейчас? Оказалось, что главная причина неприятия «русского поэта и американского эссеиста» (как называл себя Бродский) в том, что его не понимают. Может быть, действительно еще не наступило его время, может быть, он слишком далеко заглянул в будущее...

Анна Потапенко, 17 лет, 1-й курс, исторический факультет МГУ

ИТАЛА Бродского. Не понравилось. Ничего из него не помню. Люблю стихи Гейне, Блока, Маяковского, Цветаевой, Лермонтова. Знаю, что Бродский диссидент. В русской литературе занимает особое место. Многие его уважают. Поэты должны быть ему либо очень благодарны, либо, наоборот, возненавидеть его за то, что он один из первых предлагал превратить поэзию в оплачиваемое ремесло. Личность была интересная все-таки.

Ольга Белявская, 19 лет, 3-й курс, социологический факультет МПГУ

Я читала стихи Бродского. Но процитировать его не смогу. Отношусь к поэзии Иосифа Александровича скептически, судить о достоинствах не берусь. Мне нравится лирика Ахматовой, Цветаевой, Баратынского, Деметьева, Талькова. Помню, что Бродский эмигрировал из Советского Союза и что он — лауреат Нобелевской премии. Возможно, оценят и определят его место в русской литературе будущие поколения. Сейчас о нем, к сожалению, немного написано: не видела я и творческих программ, посвященных ему. Не говорят о Бродском и в школе.

Татьяна Коломийченко, 21 год, 4-й курс, филологический факультет МПГУ

Я знакома с творчеством Иосифа Бродского. Помню несколько строк из его стихотворения «Часть речи» («Ниоткуда с любовью, надшагочного марта, // дорогой уважаемый милый, // но неважно даже кто, ибо черт лица...»). Но он не входит в круг моих любимых поэтов. Я увлекаюсь поэзией Державина, Блока, Есенина, Гумилева. Вообще люблю Серебряный век. О Бродском знаю, что он жил в эмиграции, любил кошек, писал стихи, у него была необычная форма письма, наверное, белый стих. О его роли в русской литературе ничего не могу сказать. Он, думаю, один из поэтов эмигрантской волны.

Денис Мартынов, 22 года, 5-й курс, инженерно-строительный факультет МИСИС

Я слышал о Бродском. Но ничего о нем не знаю. Я вообще не люблю поэзию. Читаю только газеты, журналы, современную прозу.

Григорий Левин, 25 лет, филолог, аспирант МПГУ

Я читал достаточно много произведений Бродского, отдельные стихотворения мне нравятся, но далеко не все понятно. Строки складу воспроизвести, к сожалению, не могу. Помню «Большую элегию Джона Донна», «Письма римскому другу», сборник «Вифлиемские стихи», «Новая версия Жюль Верна, или Подводная лодка», «Полдень».

Я люблю поэзию Лермонтова, Тагора, Есенина, Ахматовой. О Бродском знаю, что он относится к поколению шестидесятников. Был осужден за тунеядство, приговорен и сослан в Архангельскую область, вернулся в Питер, долго не печатался, в итоге выслан из России, в 1987 году получил Нобелевскую премию, писал на английском языке. Его от-мечала Ахматова, Твардовский считал талантливым. Бродский — поэт XXI века, в будущем займет одно из самых видных мест в литературе.

Поэт читает свои стихи. 1990 г.